

HISTORIA ROSSICA

СТЕПНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ

МАЙКЛ
ХОДАРКОВСКИЙ

как создавалась
колониальная
империя
1500 - 1800

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Майкл Ходарковский
Степные рубежи России
Серия «Historia Rossica»
Серия «Окраины Российской империи»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42665447

*Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя.
1500–1800: Новое литературное обозрение; Москва; 2019
ISBN 978-5-4448-1092-7*

Аннотация

Книга Майкла Ходарковского рассказывает о столкновении двух миров – централизованного Российского государства и кочевников евразийской степи. За триста лет Россия сумела превратить опасные степные рубежи в часть империи. Автор описывает историю региона не только с точки зрения Москвы, он показывает, что степные народы воспринимали Россию сначала как подданное государство, затем как союзника и в итоге как господствующую власть. По мнению автора, неуклонная экспансия России в южных и восточных землях превратила Россию в колониальную империю, хотя колониальный характер ее власти настойчиво отрицался.

Содержание

Благодарности	5
Введение	8
1. Социология фронта, или Почему мир был невозможен	20
Общественно-политический строй степи	23
Набеги и война	43
Пленники и рабы	51
Торговля и экономика	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Майкл Ходарковский

Степные рубежи России

Как создавалась

колониальная

империя. 1500–1800

По всем сим обстоятельствам невозможно сказать, которое бы правительство было лучшее и всякому сообществу полезнейшее; но нужно взирать на состояния и обстоятельства каждого сообщества, яко на положение земель, пространство, области и состояния народа, как выше сказано. В единственных градах и областях полития или демократия удобно пользу и спокойность сохранить может; в величайших, но от нападений не весьма опасных, яко окружены морем или непроходными горами, особливо где народ науками довольно просвещен, аристократия довольно способною быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют; великие же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвещен и более за страх, нежели от собственного благонравия в должности содержится, тамо оба первые не

Благодарности

Эта книга – плод десятилетних исследований, и ее написание, несомненно, заняло бы куда больше времени без своевременной и щедрой поддержки различных фондов. В 1992–1993 годах я получил стипендию от Института Кеннана по углубленному исследованию России при центре Вудро Вильсона, что позволило мне начать работу над проектом в Библиотеке Конгресса, а грант Совета по международным исследованиям и обменов дал мне возможность продолжить изыскания уже в российских архивах. В период с 1995 по 1997 год стипендии от Национального фонда гуманитарных наук и Национального совета по российским и восточноевропейским исследованиям позволили мне взять непрерывный двухлетний отпуск, благодаря которому я сумел закончить исследования в библиотеках США, а также архивах России, Украины и Турции.

Не могу не выразить признательности труженикам архивов Москвы, Петербурга, Астрахани, Элисты, Казани и Оренбурга в России, а также Киева (Украина) и Стамбула (Турция). Я особенно благодарен сотрудникам РГАДА, которые были настолько добры, что приглашали меня соста-

вить им компанию за чашкой чая – и долгий день в часто неотапливаемом читальном зале казался гораздо короче.

Я выражаю особую признательность тем моим коллегам, которые прочитали всю рукопись книги и оставили подробные комментарии, а также конструктивную критику: Чарльзу Хальперину, Ричарду Хелли, Валери Кивельсон, Альфреду Риберу и Барбаре Розенвейн. Я также благодарен тем, кто прочитал и откомментировал различные части рукописи: Джону Александру, Томасу Барфилду, Юрию Слезкину и Лизе Воллендорф.

Я признателен издателям журналов *Comparative Studies in Society and History*, *The Journal of Modern History* и *Russian History* за их согласие на использование материалов, прежде опубликованных в форме статей в этих изданиях.

На протяжении всей моей работы в Чикагском университете им. Лойолы университет и мои коллеги не прекращали оказывать мне поддержку. Я особенно признателен университетскому Отделу услуг в области исследований; Центру педагогического проектирования, в котором Моника Салинас-Лининг посвятила меня в высокотехнические чудеса подготовки карт и иллюстраций; а также моим коллегам по кафедре, которые встречали каждый мой новый отпуск рукопожатием и улыбкой.

Наконец, что не менее важно, я очень многим обязан моей жене Инзе, которая отнеслась с пониманием к моему писательскому бремени; моим родителям, которые были счаст-

ливы провести с внуком время, необходимое мне для работы; а также Лоику, который в скором времени поймет, почему папа должен был ходить в библиотеку.

Введение

Две крупнейшие христианские империи, Римскую и Византийскую, постигла одна и та же участь: посланцы их смерти явились из-за границы. Эти факты были хорошо известны в Москве XVI века. Здесь знали, что Римская империя рухнула в V веке нашей эры, обескровленная и истощенная, после долгого и в итоге безуспешного сопротивления германским «варварам»; что тысячелетием позже Византийская империя, не сумев сдержать наступление различных кочевых племен, тоже пала перед турками-османами. Москва была решительно настроена избежать судьбы Рима и Константинополя и не жалела усилий на сохранение и защиту своей империи от последовательных волн тюркских и монгольских кочевников, приходивших из Евразийской степи. Конечно, сперва Москва должна была создать эту империю.

Поскольку Россия возникла «на славянском *лимесе* тюркской степи»¹, ее история, подобно истории ее предшественницы, Киевской Руси, была тесно связана с историей ее степных соседей. Если Киевская Русь быстро и безвозвратно погибла под ударом монгольских завоевателей, то Москва долго и терпеливо трудилась над тем, чтобы одолеть «дикую степь» и ее кочевых обитателей – и преуспела в этом.

¹ Keenan E. L. Reply // Russian Review. 1987. Vol. 46. № 2. P. 200.

Как сумела Москва превратить свои опасные южные рубежи в часть Российской империи, а населявшие их степные народы – в подданных царя? Как переменчивые судьбы различных степных союзов повлияли на саму Россию – на ее идеологию, политику и учреждения? Эта книга поднимает вопрос об истории Степи и ее обитателей и рассматривает то, как формировались южные и юго-восточные пограничные регионы Российской империи.

Большинство исследований южного пограничья России в первую очередь посвящены российским военным укреплениям, строительству крепостей и городов, распространению сельскохозяйственных поселений и роли казаков². Эта книга рассматривает другие темы: отношение российского правительства к народам по ту сторону границы, идеологии, лежавшие в основе российской экспансии, цели и стратегии России в регионе, методы укрепления ее влияния, эволюцию представлений о побежденных народах и захваченных территориях, их колонизацию и в конечном счете включение в империю. Конечно, эта книга повествует и о коренных жителях этих земель, о том, как они воспринимали российское правительство и его политику, как они делали выбор между сопротивлением и сотрудничеством, и о неизбежном глубоком преобразовании их обществ под воздействием подавля-

² Краткое изложение сведений из литературы, придерживающейся такого подхода, содержится в: *Shaw D. J. B. Southern Frontiers of Muscovy, 1550–1700 // Studies in Russian Historical Geography / Eds. J. H. Bate, R. A. French. London: Academic Press, 1983. Vol. 1. P. 117–142.*

ющего российского влияния.

Читатель увидит, что, вопреки общепринятому мнению, экспансия России на юг и восток ни в коей мере не была случайной, спонтанной и неконтролируемой. Это было целенаправленное движение, и, хотя конкретные мотивы и стратегии этого движения, безусловно, менялись, цель – экспансия и колонизация новых регионов и народов – оставалась неизменной. К концу XVIII века Российская империя на юге и юго-востоке вышла на границы Османской, Персидской и Китайской империй. До этого времени Россия была типичнейшим обществом фронта, где легко проницаемые пограничные зоны вкупе с недостаточно четко определенными политическими и территориальными границами служили приглашением к постоянной экспансии.

В период с конца XV по конец XVIII века политика России эволюционировала от защиты уязвимых степных рубежей страны и отражения вторжений кочевников к сознательной экспансии и трансформации покоренных территорий и их жителей. Сельскохозяйственная обработка новых земель, а также умиротворение новых подданных, превращение их в оседлых жителей и обращение в православное христианство – все это в XVIII столетии стало рассматриваться как государственная необходимость и цивилизаторская миссия России.

Конечно, большинство обществ на каком-то этапе были обществами фронта. Лишь к середине XIV века установи-

лись относительно стабильные границы латинского христианского мира в Европе. Сначала христианским властителям Европы пришлось принимать оборонительные меры от набегов викингов с севера и венгерских всадников с юго-востока, и лишь затем они перешли к успешной экспансии путем создания поселений (*Ostsiedlungen*) среди славян и Реконкисты против мусульман на Пиренейском полуострове³.

К XVI столетию Испания, «чье существование было одним длинным крестовым походом»⁴, и Московия, стремительно появившаяся из безвестности с собственным мессианским настроением, воздвиглись как колоссы, охранявшие восточный и западный фланги Европы от исламского мира. Москва и Толедо, разделенные непреодолимой пропастью в вопросах интерпретации христианских догматов, присвоили себе звание защитников всех христиан. Обе имперские идеологии изображали державу защитницей христианского мира, а впоследствии – и просветительницей, несущей свет истины нехристианам.

Как московитская, так и испанская идентичности были в очень большой степени сформированы столкновением

³ Содержательное обсуждение этих вопросов см.: *Bartlett R. The Making of Europe: Conquest, Colonization and Cultural Change, 950–1350*. Princeton: Princeton University Press, 1993; *MacKay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000–1500*. New York: St. Martin's Press, 1977.

⁴ Это удачное описание Испании в равной степени применимо и к России, см.: *Macaulay T. B. Ranke's History of the Popes // Critical Historical Essays*. 2 vols. London: J. M. Dent and Sons, 1907. Vol. 2. P. 50.

с исламским миром. Но южные рубежи Московии были не только идеологической границей христианства и ислама. Помимо этого, они отделяли оседлое население от кочевого, земледелие от скотоводства, суверенную державу, находившуюся под властью единого монарха, от племенных союзов со слабой центральной властью.

Будучи расположена на восточном краю Европы, Москва имела дело с миром, который в географическом и культурном плане отстоял очень далеко от характерных для Европы городов, рыцарских замков, купеческих поселений и земледельческих крестьянских деревень. К югу и юго-востоку от Москвы, за не вполне прочерченной границей лежали обширные просторы Евразийской степи, в разные эпохи населенные различными кочевыми племенами, от скифов и сарматов в VI веке до нашей эры до монгольских и тюркских народов к концу XV века – моменту, с которого начинается наше повествование.

Степными соседями Москвы были преимущественно мусульманские по вероисповеданию союзы кочевых племен, чей образ жизни, военная организация, экономика, культура и религия сильно отличали их от москвитов. Различия между Москвой и ее кочевыми соседями усугублялись тем, что кочевники были азиатами, следовательно, принадлежали к другой расе. Впрочем, русские, по-видимому, относились к расовой идентичности по большей части безразлично вплоть до XVIII века, когда они стали более тесно иденти-

фицировать себя с Европой и европейской цивилизацией.

Традиционная западная историография, сформировавшаяся в эпоху расцвета национальных государств, не придавала особой важности истории степных народов, поскольку кочевые племена не были организованы как государства. Степь воспринималась попросту как ничейная земля, отделявшая одно государство от другого. Примером подобного отношения служит знаменитая книга Уильяма Макнилла «Степной фронтир Европы» (*McNeill W. Europe's Steppe Frontier. Chicago, 1964*), в которой нет ни единого упоминания ни об одном из многочисленных степных народов. Этот труд формирует у читателя убеждение, что степные земли были свободны и ждали раздела между Российской, Габсбургской и Османской империями с последующим заселением жителями этих держав. Как увидит читатель настоящей книги, колонизация Степи, состоявшаяся в XVIII веке, была не результатом технологических новшеств в земледелии, как утверждал Макнилл, а успехом России в обеспечении безопасности оседлых поселений от разрушительных кочевых набегов.

Дореволюционные российские историки уделяли значительное внимание вопросам степного пограничья. Но им была свойственна черно-белая картина мира, в которой правом и обязанностью России было расширение границ христианства и цивилизации. Они подробно описывали борьбу Москвы против монгольского господства, а впоследствии и про-

тив других, не менее вероломных степных кочевников. Таким образом, экспансия России в южном направлении представляла естественным процессом, имевшим целью положить конец крымским и ногайским набегам и колонизировать покоренные земли. Поскольку эти земли прилегали друг к другу, как российские историки, так и общество в целом не видели грани между завоеванием и колонизацией. По факту понятие «завоевание» стало частью понятия «колонизация», которая, как считалось, соответствовала интересам Российской империи и, следовательно, всех ее подданных⁵.

Советские историки получили указание отвергнуть этот прежде господствовавший националистический взгляд и сменить его на противоположный. После 1917 года «колонизация» и «колониальная политика» стали негативными терминами, а прежняя империя и ее политика в отношении национальных и религиозных меньшинств подверглись решительному осуждению. Выражение «колониальная политика царского режима» регулярно звучало в 1920-е и 1930-е годы, но это время не способствовало серьезным исследованиям, поскольку у советского руководства были иные приоритеты.

В 1930-е годы государство поощряло национальную сознательность нерусских народов Советского Союза и чувство исторической несправедливости. Но с началом Второй ми-

⁵ Такого взгляда придерживались все ведущие русские историки XVIII–XIX веков: Н. М. Карамзин, князь М. М. Щербатов, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский.

ровой войны возникла потребность в патриотическом единстве, которое объединило бы многоликое население страны, и представление о «Российской империи как тюрьме народов» постепенно было задвинуто под сукно. Вместо него советская идеологическая машина стала подчеркивать «цивилизующую роль России» и ввела понятие «братская дружба народов СССР» под предводительством великого русского народа. К началу 1990-х годов «нерушимый союз республик» не выдержал испытания на нерушимость, и внезапный распад Советского Союза по национальным границам привел к тому, что национальная, этническая и религиозная идентичность внезапно оказалась в самом фокусе внимания историков, которым теперь не мешали советские идеологические догматы. Результатом стало фрагментированное изображение исторических процессов, в котором каждая группа, объединенная общими интересами, стала отстаивать свое собственное, в высшей степени политизированное и националистическое прошлое.

Хотя систематического исследования южных рубежей России не существует, что может объясняться националистическими и идеологическими путями российской и советской историографии, различные аспекты истории Степи были изучены российскими и советскими историками. В XIX веке, когда некоторые русские писатели и композиторы, такие как Александр Пушкин и Александр Бородин, начали романтизировать кочевников и их прошлое, большин-

ство историков продолжало уделять особое внимание тяжелому опыту монгольского ига и его влиянию на судьбу России. Хотя точка зрения историков на монгольскую эпоху часто была призвана служить оправданием взглядов на настоящее и будущее России, непосредственным результатом их изысканий была публикация сотен ценнейших документов по истории отношений России со степными народами. Советские историки продолжили эту традицию, собрав тысячи документов в тома, которые должны были проиллюстрировать историю отношений России с другими народами. Именно эти многочисленные коллекции опубликованных документов, а также неопубликованные материалы центральных и региональных архивов стали источниковедческой базой настоящей книги.

Эта книга охватывает триста лет истории, за которые евразийская Степь от Дона на западе до озера Балхаш на востоке превратилась из отдаленного пограничья в неотъемлемую часть Российской империи. Повествование начинается в конце XV века, когда падение Золотой Орды превратило Московию в быстрорастущее общество фронта. К концу XVIII века обширные территориальные приобретения России на юге и востоке превратили ее в одну из самых обширных держав в мире.

Глава 1 показывает, почему конфликт между Российским государством и степными обществами был неустрашим, объясняя, что глубинной причиной противостояния на грани-

це была коренная структурная несовместимость двух общностей. В то время как активные набеги были в значительной степени основой степных обществ, выживание и благоденствие Москвы требовало покончить с постоянной вялотекущей войной у ее южных рубежей. Эта глава подчеркивает разницу двух общностей, описывая политическую, экономическую и военную структуру коренных народов, а также роль религии и идеологии в отношениях Москвы с народами Степи.

Глава 2 описывает фундаментальное взаимное непонимание, характерное для отношений между Россией и ее степными соседями. Москва считала все вновь попадающиеся на ее пути народы подданными царя и требовала от них присяги на верность (шерти), вручения заложников (аманатов) и выплаты налогов (ясака), взамен обещая награды и жалованье. Однако в глазах степных народов, воспринимавших свои отношения с Россией через призму собственной политико-культурной системы, взаимные обязательства выглядели совершенно иначе. Россия была лишь одной из нескольких региональных сил, с которой они соглашались подписать выгодный мирный договор, в обмен на который Москва обещала подарки и выплаты. Эта глава рассматривает каждую из вышеизложенных концепций и утверждает, что политика российского руководства на южных рубежах отражала терминологическое и мировоззренческое расхождение, существовавшее до тех пор, пока Россия, наконец, не смогла

навязать народам и ландшафту региона свой взгляд на вещи.

Главы 3 и 4 излагают хронологию российского наступления на Степь. Глава 3 посвящена истории отношений Москвы с преемниками Золотой Орды: Крымским, Казанским и Астраханским ханствами, а также ногайцами на протяжении XVI века. Глава 4 рассматривает историю отношений России с новыми народами, встреченными ею в нижнем течении Волги, на Северном Кавказе и в казахской степи, и охватывает следующие два столетия.

Наконец, глава 5 рассматривает различные варианты российской политики в южном пограничье, постепенно превращавшемся в имперскую окраину во второй половине XVII и на протяжении XVIII столетия. Эта глава наглядно показывает, что новые стратегии и новые цели решительным образом отличались от прежнего подхода, тесно связанного с наследием Золотой Орды: новая концепция была более современной и европейской и подразумевала заселение, колонизацию, христианизацию и распространение цивилизации в новых землях.

Книга структурирована вокруг двух осей: тематической (главы 1, 2, 5) и хронологической (главы 3 и 4). И хотя есть опасность, что различные сюжеты будут повторяться, благодаря подобному подходу есть возможность одновременно изложить историю отношений между Россией и Степью в хронологическом порядке и вместе с тем поместить их символические отношения в рамки концептуальной и аналити-

ческой схемы. Тематические главы имеют целью представить новый ракурс, позволяющий иначе увидеть традиционный исторический нарратив.

В конечном счете я надеюсь продемонстрировать, что Россия была не в меньшей степени колониальной державой, чем какая-либо из западноевропейских стран, хотя колониальные владения России лежали не за морями, а в пределах ее бесконечно расширявшихся границ; что процесс строительства империи в России обуславливался как метрополией и ее различными экспансионистскими идеологиями, так и взаимодействием России с коренными народами, находившимися у ее границ; наконец, что сложность экономических, политических и культурных отношений этих двух в высшей степени разных миров обусловила особую динамику экспансии России и ее постепенную трансформацию из уязвимого общества фронта в колониальную империю.

1. Социология фронта, или Почему мир был невозможен

Сто двадцать человек русских прибыли на реку Яик, чтобы обменять свой хлеб на соль и рыбу яицких казаков. Они возвращались в свою деревню в Среднем Поволжье, когда на них внезапно напал военный отряд – шестьсот казахов и каракалпаков. Все русские были захвачены в плен и уведены в рабство, где им предстояло выполнять черную работу. Один из пленников, Михаил Андреев, захватив двух лошадей, сумел сбежать от пленившего его казаха. Спустя пять дней он достиг Уфимского уезда. Здесь, в яйцкой степи, он повстречался с отрядом из двадцати башкир, которые вновь захватили его в плен и забрали в свою деревню. На протяжении двух месяцев он был рабом одного из башкир, пока его не выручил русский чиновник, прибывший собирать ясак (дань или налог с нехристианского населения): в уплату за пленника он вручил отделанную серебром уздечку, пару сапог и меховую шапку. Впоследствии Андреев доложил русским чиновникам, что башкиры собираются в набег на русские города и немало русских и чувашей томится у них в рабстве⁶. Это произошло в 1720 году.

⁶ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Дела по губерниям. Ф. 248. Оп. 3. Дела по Астраханской губернии, 1720–1721. Кн. 94.

Эта история заставляет задуматься сразу о нескольких вопросах: о том, насколько прочной была власть России над ее так называемыми подданными, о враждебности нехристианского населения страны к властям и о том, как в этих условиях Россия была способна собирать налоги. Но, прежде всего, становится ясно, до какой степени прозрачной была граница со Степью и насколько сложной была ее оборона спустя долгие годы после того, как российское руководство впервые попыталось обезопасить степные рубежи страны. Это обстоятельство существенно затрудняло любые попытки поселиться в регионе и вести здесь торговлю. Подобные истории происходили регулярно. Михаилу Андрееву повезло куда больше, чем многим его соотечественникам, на чью долю выпал куда более долгий плен, не говоря уж о том, что некоторые вообще не вернулись домой.

На протяжении всего рассматриваемого здесь периода южные рубежи России оставались царством неопределенности, громадным степным простором, таившим в себе опасность для тех, кто осмеливался проникнуть туда или просто жил неподалеку. Даже в середине XVIII столетия, когда Россия стала значительно лучше контролировать свои приграничные земли, российские крестьяне, жившие в порубежной зоне, продолжали обрабатывать свои земли, будучи вооруженными до зубов, и часто ничем не отличались от казаков⁷.

Л. 55–56.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Дела и приговоры Правительствующего Сената по

Борьба между Россией и кочевыми народами за контроль над Степью длилась столетиями. Мы знаем только российскую версию этого долгого конфликта. Нам необходимо узнать эту историю и с другой стороны – увидеть ее глазами многочисленных кочевых и полукочевых народов, для которых Степь была родным домом. Лишь когда их история, столько времени остававшаяся скрытой, будет рассказана, мы в полной мере поймем динамику российской имперской экспансии, а также ее результат – покорение и колонизацию Степи и ее жителей.

В этой главе я показываю, что интересы двух сторон фундаментально противоречили друг другу и избежать конфронтации было нельзя. Она была закономерным следствием абсолютной (и не прекращавшей расти) несовместимости двух очень разных общностей. С одной стороны – христианская Россия, военно-бюрократическое государство с городскими центрами и динамичной земледельческо-промышленной экономикой. С другой стороны – различные нехристианские общества с родовыми общественными организациями и статичной экономикой на основе кочевого скотоводства. Мы увидим, как эти фундаментальные различия, глубоко укоренившись в социальном, экономическом, политическом и религиозном устройстве обществ по обе стороны от границы привели к постоянным конфликтам, не прекращавшимся на протяжении всего изучаемого периода.

Общественно-политический строй степи

Между народами и обществами, находившимися у южных границ России, было немало общего. Большинство из них возникли на руинах Монгольской империи и одной из ее политических преемниц, Золотой Орды, степного тюрко-монгольского общества, доминировавшего на обширном пространстве от Дуная до Аральского моря. Золотая Орда повелевала русскими князьями на протяжении более чем двухсот лет, пока ее окончательное падение в начале XVI века не расчистило дорогу неукротимой московской экспансии в Степь.

На протяжении трехсот последующих лет русские встретили на своем пути народы с разным общественно-политическим устройством. Некоторые из них располагались вокруг городских центров и отличались относительно сложным общественно-политическим устройством (Казань, Астрахань, Крым), другие представляли собой полукочевые общества (кабардинцы, кумыки), а некоторые – были чистейшими кочевниками (ногайцы, калмыки, казахи). В то же время всех степных соседей России объединяла черта, решительным образом противопоставлявшая их России: здесь не было монархий европейского типа, то есть суверенных земледельческих обществ, организованных как государство,

с четко определенными территориальными границами. Это были племенные группы, объединенные в первую очередь узами родства и военными союзами и опиравшиеся в основном на скотоводческую экономику⁸.

Наивысшим уровнем политической организации степных кочевников был племенной союз, обычно недолговечный и непрочный. Составные части подобного союза оставались экономически и политически независимыми друг от друга. Степные общества не обладали суверенитетом над той или иной территорией в традиционном смысле слова. Вместо этого они двигались вместе со своим скотом, перегоняя его на сезонные пастбища. Подобно суверенным государствам, кочевые народы тоже должны были защищать свои пастбища от вторжений соседей по Степи. Но степные народы отличались от оседлых обществ тем, что часто меняли свои пастбища. Причиной подобной перемены могли послужить климатические трудности, голод или война.

Отсутствие у степных народов городов означало, что сформировались лишь самые зачаточные формы правительства и бюрократии. Даже Крымское и Казанское ханства, обладавшие сложными экономическими и политико-административными системами, не могли в этом отношении срав-

⁸ Более подробное описание социально-политической организации различных тюрко-монгольских кочевых обществ содержится в двух классических исследованиях: *Khazanov A. Nomads and the Outside World. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; Barfield T. J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China. Cambridge; Mass.: Basil Blackwell, 1989.*

ниться с Россией. Чтобы понять базовую терминологию и структурную организацию обществ, о которых пойдет речь в настоящей книге, необходим более пристальный взгляд на их социально-политическую организацию.

Ногайская Орда

С древних времен, когда Страбон и Геродот описывали кочевой образ жизни народов, живших в причерноморских степях, и до середины XVIII столетия, когда степные пастбища стали быстро превращаться в возделанные земли, огромные просторы Евразийской степи служили естественной средой обитания различных кочевых народов. На протяжении трех веков, рассматриваемых в настоящей книге, западная часть Евразийской степи находилась под властью нескольких кочевых союзов: ногайского в XVI веке, калмыцкого в XVII веке и казахского в XVIII веке.

Нельзя уверенно ответить на вопрос, как ногайцы стали отдельным племенным союзом и какие племена в этот союз входили. Обычно считается, что основу Ногайской Орды составляло монгольское племя, известное под названием «мангыты». В XIII веке к мангытам присоединилось множество тюркских племен, вместе составивших армию золотоордынского военачальника Ногая, впоследствии соправителя Золотой Орды. Столетием позже, когда связи между различными частями Орды ослабели, миру явились ногайцы,

сражавшиеся под командованием Едигея, военачальника из мангытского рода, который и стал основателем правящей ногайской династии. К середине XVI века Ногайская Орда, кочевой союз с постоянно изменявшимися племенными границами, насчитывала восемнадцать тюркских и монгольских племен. К этому времени мангыты уже были сильно отуречены, но продолжали доминировать среди ногайцев, и многие соседние народы называли ногайцев Мангытской Ордой⁹.

В начале нашего периода Ногайская Орда была устоявшимся племенным союзом, отделенным как от соседей-тюрок (казахов, башкир, татар), так и от соседей-монголов (калмыков). Ногайцы отличались от соседей не языком и не этнической принадлежностью – они говорили на таком же тюркском диалекте, как и многие их соседи, а понятие этноса вообще сложно применять в случае степных союзов с постоянно меняющимся племенным составом. В первую очередь ногайцев определяла их правящая династия, восходившая к Едигею. Согласно неписаным, но соблюдавшимся правилам тюрко-монгольского мира, лишь потомки Чингисхана могли считаться преемниками Золотой Орды или иных ча-

⁹ *Кочекаев Б. А.-Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1988. С. 24–27; *Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М.: Наука, 1992. С. 70–78; Ногайцы: Историко-географический очерк / Ред. И. К. Калмыков и др. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1988. С. 18–22; *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. С. 412–414; *Bregel Y.* Tribal Tradition and Dynastic History: The Early Rulers of the Qongrats according to Munis // *Asian and African Studies*. 1982. Vol. 16. P. 386.

стей державы Чингизидов. Едигей был выдающимся полководцем, но не Чингизидом. Это означало, что правители Ногайской Орды, в отличие от более высокородных властителей Крыма, Казани, Астрахани и Сибири, не могли претендовать на наследие Золотой Орды.

Эта особенность была недвусмысленно отражена в политической номенклатуре. Барон Сигизмунд Герберштейн, внимательно изучивший Московию в начале XVI века, отметил, что у ногайцев не было царя (то есть хана), а только князь (то есть бий)¹⁰. Ногайцами правил *бий* (на русском языке его называли *большой князь*). Престолонаследником его был *нуреддин* (имя старшего сына Едигея, превратившееся в титул), а за ним следовали *кейкуват* (титул, образованный от имени младшего сына Едигея) и *тайбуга*¹¹.

Согласно традиции, каждый титул соответствовал той или иной территории. В XVI веке резиденция бия была в Сарайчике, а его пастбища располагались по реке Яик; пастбища нуреддина находились к западу, вдоль Волги, а кейкувата – к востоку, вдоль реки Эмбы. Титул тайбуга, впервые упоминающийся во второй половине XVI века, возможно, возник в результате падения Казани, захваченной московви-

¹⁰ Герберштейн С. Записки о Московских делах / Пер. А. И. Малеина. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1908. С. 157.

¹¹ Продолжение древней российской вивлиофики (далее ПДРВ). СПб.: Импер. Академия наук, 1786–1801: В 11 т.; репринтное издание: Slavic Printings and Reprintings 251 / Ed. van C. H. Schooneveld. The Hague: Mouton, 1970. Vol. 8. P. 264–265; Vol. 9. P. 17, 249–250.

тами в 1552 году, – события, в котором ногайцы сыграли существенную роль. Хотя нет четкого указания на то, чем занимался тайбуга, не исключено, что он контролировал часть территории и населения бывшего Казанского ханства, а стало быть, северные и северо-восточные ногайские пастбища¹².

Кандидаты на четыре княжеских титула должны были быть утверждены Ногайским высшим советом: *керюнош* (*корнюш* в традиционной русской транслитерации), в котором заседали члены правящей династии (*мирзы*), племенная аристократия (*карачи*), прославленные воины (*бахадурь*), свита бия (*имельдеши*) и мусульманское духовенство (*муллы*). У бия была своя администрация (казначей, секретарь, писцы, сборщики налогов) и совет, состоявший из бия и людей, пользовавшихся его наибольшим доверием. Впрочем, его власть, опиравшаяся на этот зачаточный официальный аппарат, была в значительной степени ограничена могуществом и независимостью мирз и карачей¹³.

Слабость центральной власти привела к бесконечным

¹² ПДРВ. Т. 11. С. 233–236, 271–298; Акты времени Лжедмитрия 1 (1603–1606). Ногайские дела / Ред. Н. В. Рождественский // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете: Сборник (далее ЧОИДР). М., 1845–1918. Т. 264. Ч. 1 (1918). С. 110; *Кочекаев Б. А. -Б.* Ногайско-русские отношения. С. 38–40; *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. С. 414; ПДРВ. Т. 8. С. 269–277. Т. 9. С. 37–39.

¹³ *Кочекаев Б. А. -Б.* Ногайско-русские отношения. С. 42–45. Например, в 1580 году ногайский бий Урус отказался от планов нападения на Московию после того, как большинство ногайских мирз и лучших людей высказались против похода. РГАДА. Ногайские дела. № 9. Л. 156–157.

междоусобным войнам среди ногайцев. Первое серьезное разделение ногайцев произошло в конце 1550-х годов, когда ногайский нуреддин Казы покинул свои пастбища вдоль Волги и направился в северокавказскую степь. Его ногайцы стали известны как Казыева Орда или Малая Ногайская Орда. Ногайцы, оставшиеся на реках Волга и Яик под властью Исмаил-бия, стали известны как Большая Ногайская Орда. В начале XVII века Большая Ногайская Орда тоже распалась под ударом калмыков.

Крымское и Казанское ханства

Распад Золотой Орды привел к появлению не только полностью кочевых обществ, подобных ногайцам, но и ханств – примитивных городов-государств, своеобразно сочетавших оседлый и кочевой образ жизни. Двумя наиболее важными ханствами, появившимися в 1430-е годы в результате распада Золотой Орды, были Крымское и Казанское – и между ними было немало общего. Основателем правящей династии Казани был Улу-Мухаммед, внук прославленного Тохтамыша, хана Золотой Орды, а другой Чингизид, Хаджи Гирей, стал первым ханом крымской династии. Гирей оказался гораздо более долговечны, и вскоре после того, как в 1517 году пресеклась казанская династия Улу-Мухаммеда, Сахиб Гирей прибыл из Крыма, заявив право Гиреев на казанский престол. Как до этого события, так и по-

сле него крымские ханы претендовали на все земли Золотой Орды, включавшие, разумеется, и Казань.

В Крымском ханстве престолонаследник носил титул *калгай* (*калга*) и мог быть братом или сыном хана. Обычно калга получал пастбища вдоль реки Днепр, к северо-западу от Крыма. Следующим в порядке преемственности был нуреддин, занимавший пастбища вдоль Кубани, к востоку от Крыма. Неясно, существовала ли подобная система в Казанском ханстве¹⁴.

Власть крымского хана в значительной степени зависела от поддержки карачей, глав четырех важнейших племен: ширинов, барынов, аргынов и кипчаков. После начала XVI века племя мангытов заметно выдвинулось и в Крыму, и в Казани, но ширины и барыны сохранили свою ведущую роль. В 1508 году глава племени ширинов, Агиш, писал великому князю Василию III, указывая в числе прочего на важность своего положения в крымской политике. Он сравнил Крым с повозкой, в которой его повелитель хан – правая ось, а он, Агиш, со своими людьми и 20-тысячной армией – левая¹⁵.

¹⁴ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923, репринтное издание 1990. С. 43–45, 72–83; *Inalcik H. Giray // Islam Ansiklopedisi. Istanbul: Milli Egitim Basimevi, 1948. Vol. 4. P. 783–785.*

¹⁵ *Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах: В 4 т. СПб.: Имп. Академия наук, 1863–1867. Т. 2. С. 410–448; Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. 1940. № 61. С. 28–39; Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее СИРИО): В 148 т. СПб., 1867–1916. Т. 95. № 2. С. 39–40.*

Как в Крымском, так и в Казанском ханстве главные решения принимались в ханском совете (*диване*) или, при необходимости, на более обширном собрании (*курултае*), где присутствовали знать, духовенство и «лучшие» люди. В состав знати входили, в убывающем порядке важности, вожди карачей (*эмиры*), другие вожди (*бики*) и младшие сыновья биков (*мирзы*). Если эмиров было немного, биков и мирз насчитывалось несколько сотен. В отличие от ногайцев крымские и казанские ханы опирались на более обширную и сложно организованную администрацию. Например, в 1520-е годы администрация Казанского ханства включала в себя по крайней мере тринадцать официальных чинов. Как Крым, так и Казань унаследовали административный аппарат Золотой Орды и поддерживали его, чтобы контролировать земельные общины, находившиеся на их территории, и собирать с них налоги¹⁶.

Гораздо более скудны наши сведения о двух других ханствах, возникших в результате падения Золотой Орды: Астраханского и Сибирского. Их базовое социально-политическое устройство не отличалось от крымского или казанского. Но их экономическая основа и географическое местоположение приводили к ряду отличий. К примеру, астраханские ханы получали значительную часть своего дохода от торгов-

¹⁶ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 190–195, 198–209; Keenan E. L. Muscovy and Kazan, 1445–1552: A Study in Steppe Politics. Ph. D. diss., Harvard University, 1965. P. 89–97; Rorlich A. A. The Volga Tatars: A Profile in National Resilience. Stanford: Hoover Institution Press, 1986. P. 28–30.

ли, поскольку в степи на Нижней Волге земледелия практически не было. Казанские ханы, в отличие от них, в значительной степени опирались на налоги, поступавшие от многочисленных крестьян, живших на подвластной им территории. Наконец, Крымское ханство, самое могущественное из этих политических образований, использовало несколько ресурсов – торговля, сельское хозяйство и доходы от военных походов.

Казахи

В середине XV века распалась не только Золотая Орда, но и другая наследница прежней Монгольской империи. В Чагатайском улусе, который находился к юго-востоку от Золотой Орды и занимал значительную часть Средней Азии, тоже начались беспорядки. На его руинах возникло узбекское Хорезмское ханство, включавшее в себя богатые города, находившиеся в пустыне к югу от Аральского моря, – Ургенч, Хива, Бухара и Коканд. В то же время несколько узбекских племен бежали из Хорезма в степь к северу от Аральского моря. Здесь они сформировали кочевой союз и стали известны как узбек-казахи (*казак* или *казах* означает «беглец», «грабитель»), затем просто как казахи, а в XVIII веке также как киргиз-казахи (киргиз-кайсаки).

В этом союзе участвовали несколько тюркских и тюркизированных монгольских племен: мангыты, кипчаки, найма-

ны, конграты и другие. Многие из этих племен входили составными частями и в другие кочевые союзы. Но если среди ногайцев господствующим племенем были мангыты, то среди узбеков и казахов такую же роль играли конграты. Тем не менее многие племена присутствовали сразу в нескольких племенных союзах, впоследствии ставших различными этническими группами. Нет ничего случайного в том, что для узбеков, казахов и каракалпаков началом исторической и литературной традиции служит один и тот же источник – эпос «Алпамыш»¹⁷.

После ряда войн между Чингизидами Касым-хан и его сын Хак-Назар создали казахский союз, который просуществовал большую часть XVI века. Казахи заняли обширные пастбища от Яика на западе до Иртыша на востоке. К концу XVI века казахи уже были разделены на три отдельные группы: Младший, Средний и Старший жузы (Орда)¹⁸.

Каждым жузом правил хан, а другие представители правящей династии были известны как султаны. Не-чингизидская знать состояла из *биев* (слово, которое звучало как *бег* или *бек* у других тюркских народов), а также *батыров* (или *бахадуров*). Более низкое место в социальной иерархии занимали выборные местные вожди, известные русским как

¹⁷ История Казахской ССР: В 5 т. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1977–1981. Т. 2. С. 244–245; *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. С. 119–154.

¹⁸ История Казахской ССР. Т. 2. С. 176–181, 248–251, 264–273; История Узбекской ССР: В 4 т. Ташкент: Фан, 1967–1968. Т. 1. С. 504–507.

старишины, имевшие заметное влияние в ряде вопросов. С точки зрения основополагающих черт политической организации казахи не слишком отличались от других степных обществ, но у них, по всей видимости, не было такой дифференцированной иерархической структуры, как у ногайцев, не говоря уж о Крымском или Казанском ханстве. Власть хана была строго ограничена знатью, сохранявшей свое влияние и независимую политическую базу.

Калмыки

Калмыки были заклятыми врагами всех тюркских народов Евразийской степи. Они были западной ветвью монголов, известной как ойраты или дербен-ойраты, слово, указывавшее на союз четырех монгольских племен – торгутов, дербетов, хошутов и джунгаров. Их соседи, тюрки-мусульмане, называли их калмыками (что на тюркском языке означает «оставлять позади»): вероятно, это название объясняется тем, что калмыки всегда оставались в стороне и не были включены ни в Монгольскую империю Чингисхана, ни в государства, ставшие ее преемниками, – Чагатайский улус и китайскую империю Юань.

В 1440-е годы, когда по всему тюрко-монгольскому миру возникали новые ханства и кочевые союзы, ойраты объединились под руководством Эсена-тайджи (*тайджи* – титул вождя). Кровавые походы Эсена и его наследников, увенчав-

шиеся полным успехом, оставили глубочайший отпечаток в исторической памяти различных народов региона. В тюркском эпосе «Алпамыш», общем для многих народов Центральной Азии, калмыки неизменно предстают в роли самых могущественных и опасных злодеев.

Калмыки во многих отношениях отличались от тюрков-мусульман. Их союз состоял исключительно из монгольских племен, не участвовавших в тюркских кочевых союзах, они говорили на монгольском языке, а их правители не были Чингизидами. В регионе, который бесспорно принадлежал исламскому миру, калмыки были приверженцами ламаизма или тибетского буддизма, пришедшего из Тибета в конце XVI века, – и это, несомненно, еще усугубляло их отличие от соседей-мусульман.

Социально-политическая иерархия калмыков имела много общего с другими тюрко-монгольскими обществами, хотя в некоторых титулах и именах было заметно влияние китайских традиций. Члены правящей династии носили титул *тайши* и разделялись на три категории в зависимости от своего статуса и богатства. Представителей мелкого дворянства называли *зайсангами*. Тайши и наиболее влиятельные зайсанги избирали главного тайши (впоследствии его будут называть хан). Существовала придворная и административная иерархия, а также обширная религиозная иерархия, во главе которой стоял лама, представитель тибетского далай-ламы¹⁹.

¹⁹ Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk

Первое упоминание о калмыках в русских источниках датируется 1535 годом и сообщает о подчинении калмыков казахам. Действительно, на протяжении значительной части XVI века калмыки были слабее казахов²⁰. Но в начале 1600-х годов калмыки вновь завоевали себе выдающееся положение среди тюрко-монгольских степных обществ. Именно в это время давление монголов с востока и соблазн пустующих ногайских пастбищ на западе привели к тому, что некоторые калмыки покинули Джунгарию. Большинство среди них были торгутами, поэтому именно торгуты впоследствии доминировали среди волжских калмыков. Спустя много лет династическая традиция главных тайши и ханов волжских калмыков продолжала восходить к их предку, Хо-Урлюку, главному тайши калмыков, который возглавил их переселение из Джунгарии в Прикаспийскую степь²¹.

Северный Кавказ

Подобно Джунгарии, значительная часть Северного Кав-

Nomads, 1600–1771. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 9–14, 33–40. Подробнеее рассмотрение социально-политического устройства калмыцкого общества см.: *Schorkowitz D.* Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken (Oiraten) und Prozesse der Akkulturation vom 17. Jahrhundert bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1992.

²⁰ ПДРВ. Т. 7. С. 244.

²¹ *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. С. 19–43; *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. P. 5–8.

каза оставалась вне контроля государств – преемников обширной империи Чингисхана. Десятки народов жили в этом регионе, представлявшем собой пограничную зону между Золотой Ордой и государством Ильханов в Персии. Когда в 1560-е годы прибыли русские, построив крепость у реки Терек, они встретили кумыков и кабардинцев – два народа, господствовавшие в северо-восточной части Кавказа. Именно через них русские познакомились с другими народами, жившими в этих краях.

Самым могущественным и многочисленным народом Северного Кавказа были адыги, более известные среди соседей по обе стороны границы как черкесы. Адыги заселяли практически весь Северо-Кавказский хребет от Черного до Каспийского моря. Их язык не был родственным тюрко-монгольским языкам их соседей; он принадлежал адыго-абхазской ветви Кавказской языковой группы. Наиболее могущественными среди различных групп адыгов были кабардинцы. Территория Кабарды, подразделявшаяся на Малую и Большую Кабарду, находилась к югу от реки Терек и почти полностью занимала центральную и северо-восточную часть Северного Кавказа. К юго-востоку от Кабарды находились многочисленные группы деревенских обществ, впоследствии ставшие известными как чеченцы; к югу от нее жили ингуши, осетины и балкарцы.

В северо-восточном углу Кавказа жили кумыки, тюркский народ Северного Дагестана. Кумыки и ряд народов, жив-

ших под их господством, были организованы в самое обширное княжество Северного Кавказа, которым правил *шамхал* (*шевкал*). Резиденция шамхала находилась в городе Тарки (нынешняя Махачкала, столица Дагестана), здесь же обосновались его двор и администрация. Наследником шамхала был *крым-шамхал*. Влияние ислама в Тарки было сильным с давних пор. Здесь располагалась резиденция шейх-уль-ислама, главы мусульманского духовенства среди подданных шамхала. Хотя власть шамхала была ограниченной, его княжество отличалось более сложной и централизованной политической организацией, чем большинство других обществ Северного Кавказа.

В Южном Дагестане находилось другое могущественное княжество, в котором правил *уцмий* кайтагский: здесь господствующей этнической группой были кайтаги (ныне известные как даргинцы). Власть уцмий передавалась по наследству, а его резиденция располагалась в Маджалисе. Поскольку кайтаги находились поблизости от персидского пограничья, уцмий обычно оказывались под влиянием персидских шахов, в то время как большинство других народов Северного Кавказа имели более тесные связи с крымскими ханами и османскими султанами²².

²² Этнически и лингвистически Дагестан был и остается одним из самых разнообразных регионов в мире. Не вызывает особого удивления тот факт, что этническая иерархия прошлого пережила как советский, так и постсоветский период и продолжает существовать в наше время под названием «этнополитика». К примеру, Центральный Дагестан с пограничным городом Хасавюрт был на протяже-

За вычетом княжеств шамхалов и уцмиев, большинство других народов Северного Кавказа были организованы в общества, отличавшиеся крайней раздробленностью политических структур. В частности, в Кабарде знать была разделена на *пши*, которых русские называли князьями, и *уорков*, мелкое дворянство, которых русские называли *узденями*. Князья пользовались всеобщим уважением, но никто из них не мог быть избран на роль верховного правителя. Использование термина «уздень» в отношении кабардинцев указывает на то, до какой степени Москва на первых порах не знала народы, с которыми она столкнулась. Этот тюркский по происхождению термин применялся к мелкому дворянству кумыков и других тюркских народов Кавказа (карачаевцев, балкарцев), но не использовался среди кабардинцев или других адыгов. Другие аристократы среди кумыков и некоторых их соседей носили такие же титулы, какие были приняты среди других тюрко-монгольских обществ: хан, бек и мирза.

Знать жила за счет дани, которую платили покоренные соседние народы, налогов, которые платило крестьянство, и военной добычи. Дворяне жили в укрепленных горных деревнях, где их крепостные пасли стада их баранов и табу-

нии столетий местом жительства кумыков, аваров, чеченцев и других, меньших по численности этнических групп. Кумыки традиционно были господствующим народом, и, когда в 1997 году на роль главы местной администрации был выбран авар, а не кумык, это привело к этническому насилию (Независимая газета. 1997. 13 мая).

ны их лошадей, а свободные крестьяне занимались сельским хозяйством в плодородных долинах и на равнинах Северного Кавказа. Крестьянские поселения (*кабаки*) были в целом независимыми: их оставляли в покое, требуя только выплаты налогов с обрабатываемой земли и рыбных хозяйств в обмен на защиту со стороны дворян²³.

Другие народы региона были организованы в демократические общины или братства без социальной дифференциации. Чеченцы, к примеру, жили свободными общинами, группами деревень или кланов, объединенных по принципу родства, территории и взаимных клятв; совет старейшин принимал решения по общим вопросам, а лучшие воины организовывали набеги и засады. Подобно многим другим кавказским этнонимам, слово «чеченцы» русские узнали от кабардинцев, называвших их *шашан* или *чечен*, по названию деревни. Кумыки называли их *мичик* или *мишик* (по названию реки), а грузины – *кисты*. Сами чеченцы называли себя *нохчи*, или «люди».

Кроме меняющихся имен и незнакомых понятий, для русских было трудно вообще представить себе народ без государства и единого правителя. Для генерал-губернатора Кавказа П. С. Потемкина было практически откровением, когда в конце XVIII века он отметил, что «понеже из тех народов

²³ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов: XVIII – первая половина XIX в. М.: Наука, 1967. С. 180–206; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. С. 283–298.

под названием чеченцев и кумык, никто не составляет настоящей нации, но каждое селение имеет своего владельца, свое управление»²⁴.

* * *

Возникновение новых степных обществ в XV–XVI веках было прежде всего процессом политическим, никак не совпадавшим с этническими границами. Представители одного и того же племени часто оказывались в разных племенных союзах, отличавшихся разными правящими династиями. Дело происходило в обширных открытых степях Южной Евразии, и по большей части общества этого региона были кочевыми или полукочевыми. Даже общества, базировавшиеся в городских центрах (Крымское, Казанское и Астраханское ханства), собиравшие налоги с земледельческих посе-

²⁴ Кабардино-русские отношения: Документы и материалы: В 2 т. М.: АН СССР, 1957. Т. 2. № 256. С. 364. Первое русское сообщение о различных чеченских кланах датируется 1587 годом, когда русские послы, направлявшиеся в Грузию, проехали через горы и упомянули кланы Мичкиз, Индили и Шубут; см.: Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского Министерства иностранных дел, 1578–1613 / Сост. С. Л. Белокуров. М.: Унив. тип., 1889. № 4. С. 33. Слово «чеченец» как этноним впервые встречается в 1708 году; см.: Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое (далее ПСЗ): В 45 т. СПб.: 1830. Т. 4. С. 421. Оно присутствует на русской карте 1719 года: Кабардино-русские отношения. Т. 1. С. 289; см. также: *Яудаев У.* Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах: В 10 т. Тифлис, 1868–1881. Т. 6. С. 3.

лений и таможенные пошлины с торговли, сохраняли кочевой образ жизни, с соответствующей экономикой и военным делом.

Все общества к югу от Российского государства были децентрализованы и раздроблены. На одном конце этого широкого спектра находились общества, не имевшие практически никакой политической иерархии, подобно чеченским братствам Северного Кавказа. На другом располагались сложные политические союзы, такие как калмыцкий. Все общества от Кавказа до Джунгарии были организованы для войны. Престиж, доблесть, лидерство и добыча – все зарабатывалось и добывалось на войне. Продолжительный мир был несовместим с самим существованием народов, с которыми Россия столкнулась на своих южных рубежах.

Набеги и война

Война не только укрепляла воинские и общественные ценности, она служила более существенным источником дохода, нежели торговля. Россия естественным образом оказалась в состоянии непрерывной войны, а ее южные рубежи стали мишенью для бесконечных кочевых нападений – военных походов и набегов. Во главе масштабных военных походов обычно находился лично хан или один из его сыновей. В XVII веке хан калмыков мог собрать армию в 40 тысяч всадников, а крымский хан – в 80 тысяч²⁵. В небольших набегам участвовало несколько сот всадников, а иногда – до 2-3 тысяч.

Кочевые армии, вооруженные в основном саблями, копьями и луками, были ополчением, которое снаряжало себя само. К примеру, готовясь к походу против Киева в 1501 году, крымский хан Менгли Гирей приказал каждому мужчине старше пятнадцати лет явиться с тремя лошадьми на человека и одной повозкой на пять человек. Если лошадей или оружия не хватало, их можно было занять у других с тем, чтобы выплатить долг в конце похода. Быстрота и мобильность всегда были огромным преимуществом. Кочевые всадники,

²⁵ *Beauplan Le Vasseur G., Sieur de. A Description of Ukraine / Transl. and ed. A. Pernal, D. Essar. Cambridge, Mass.: Harvard Ukrainian Research Institute, 1993; Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. P. 142–143.*

почти не бравшие с собой никаких запасов, должны были искать фураж в степи, поэтому дальность и эффективность их походов были существенно ограничены временем года и погодными условиями. Время от времени имели место и зимние кампании, но только когда лошади были достаточно сыты, чтобы выдержать короткий поход. Зная, что кочевые армии двигаются без обозов, русские, услышав о приближении набеговых отрядов, прилагали все усилия к тому, чтобы сосредоточить зерно в городах и сжечь сено в полях²⁶.

В Москве хорошо понимали слабости кочевого образа жизни. В 1560 году Иван IV советовал ногайскому мирзе Исмаилу: «А в осень бы тебе идти того для, занже Крымским людем всем в Перекопи с лошадми и з животиною осеневати нельзя. То тебе и самому ведомо, что в Перекопи в два времена, среди лета и в осень, людем Крымским всем с лошадми и з животиною прокормитися нельзя. Выходят за Перекоп и за Днепр, переходят к Черному лесу, и тут стоят прокармливаются <...> И послал бы еси от себя детей своих всех, и племянников со всеми воинскими людами Крыма воевати»²⁷.

Распространение пороха в конце XV века лишило кочевые армии возможности захватывать города, защищенные укреплениями нового вида и пушками. В 1500 году крым-

²⁶ СИРИО. Т. 41. № 43. С. 196; № 72. С. 354; Т. 95. № 38. С. 706; ПДРВ. Т. 9. С. 100–108.

²⁷ ПДРВ. Т. 10. С. 102.

ские войска сожгли пригороды нескольких польских городов, но не смогли захватить их. В 1571 году сильная крымская армия достигла Москвы, но опять же не сумела взять город²⁸. Крымские татары теперь предпочитали не брать города, а осаждать их, тем самым запирая гарнизон. В то время как часть крымского войска блокировала город, другие могли спокойно ловить и захватывать в плен жителей окрестных земель. Осада продолжалась до тех пор, пока отряд, увозивший добычу, не оказывался вне досягаемости гарнизона²⁹.

Тем не менее самым типичным пограничным столкновением был не масштабный военный поход, а набег. На своих южных и юго-восточных рубежах Россия была вынуждена иметь дело с нескончаемым военным конфликтом – партизанской войной, целью которой был захват людей, захват имущества, навязывание выгодных торговых условий и сбор дани. Даже когда российские власти были готовы купить сотрудничество племенных вождей и заплатить тем, кто принимал участие в ее военных походах, традиционные ценности воинственного общества препятствовали усилиям России по стабилизации рубежей. Успешный набег по-преж-

²⁸ СИРИО. Т. 41. № 68. С. 333.

²⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 211. Описание военной тактики крымских татар см.: *Beauplan Le Vasseur G. A Description of Ukraine*. P. 48–61; *Collins L. J. D. The Military Organization of the Crimean Tatars during the 16th and 17th Centuries // War, Technology and Society in the Middle East / Eds. V. J. Parry, M. Yapp. London: Oxford University Press, 1975. P. 257–276.*

нему оставался главным способом показать свою воинскую доблесть и добиться славы, куда в большей степени, нежели участие на вторых ролях в военных кампаниях регулярной российской армии.

Набеговая экономика только укрепляла традиционные воинские ценности кочевого общества и противоречила интересам Российского государства. К примеру, в ходе одного типичного набега, состоявшегося в 1500 году, военный отряд из тысячи крымских татар захватил 5 тысяч пленников в Литве. За рабов можно было выручить немало денег на рынках Османской империи и Средней Азии; выкуп за пленников тоже мог быть очень велик. Как следствие, российскому руководству было сложно сделать настолько выгодное предложение, чтобы подобные набеги прекратились. Не каждый набег был успешным. Но в целом доход от среднего по размеру набега, в котором участвовало несколько сот всадников, захватывавших десятков пленников и несколько сот лошадей, существенно превышал любые выплаты, которые предлагала Россия.

Конечно, была и альтернатива – перенаправить набеги на другую цель. Например, в 1516 году крымский хан Мухаммед Гирей, твердо намеренный сохранять мир с Москвой, заплатил своему сыну Алпу, чтобы удержать его и его тысячный отряд от нападения на московские рубежи. Вместо этого Алп вторгся в литовские пределы. Но эта стратегия действовала лишь до тех пор, пока другая сторона (в данном случае

Речь Посполитая) не предлагала более выгодных условий хану и его сыну³⁰.

Партизанская война подчинялась немедленным и сиюминутным нуждам. Геополитические соображения мало что значили в мире степной политики, и, даже когда заключался мир, мелкие набеги не прекращались. Вновь и вновь русские послы в Крыму сообщали, что отряды крымских татар готовятся к набегу на Московию, «а царю их <...> и царевичам немочно унять, потому что, государь, наги и боси и голодны»³¹. Неудивительно, что мелкие набеги, как правило, невозможно было предотвратить.

К началу XVI века Москва стала самой могущественной военной силой в регионе. Ее казна была полна, ее армия была реорганизована и вооружена огнестрельным оружием. Когда в 1532 году до Москвы дошла весть о готовящемся вторжении крымских татар, московские войска, вооруженные пушками и аркебузами, расположились возле переправ на Оке. Огневая мощь московских армий была столь впечатляющей, что крымский хан, стремясь дискредитировать Москву в глазах османского султана, сообщил ему, что Москва вооружила враждебную султану Персию 30 тысячами аркебуз³².

³⁰ СИРИО. Т. 41. № 66. С. 324; Т. 95. № 16. С. 292; *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. P. 30–31.*

³¹ СИРИО. Т. 95. № 25. С. 441.

³² Полное собрание русских летописей: Патриаршая или Никоновская летопись

Некоторые кочевые правители рано оценили эту огневую мощь. В начале 1500-х годов, когда Крым и Москва все еще были союзниками, Менгли Гирей постоянно просил, чтобы Москва прислала вниз на Дон корабли с войсками, пушками и аркебузами, для нападения на Орду. Впоследствии он обратился к великому князю Василию III с просьбой отправить корабли против Астрахани, чтобы в каждом плыло по пять солдат, а на каждые три корабля приходилось по пушке и две аркебузы. Он заверил Василия, что Астрахань падет, если русские атакуют ее со стороны реки, а крымские татары – с суши. Москва не спешила с ответом, и в конечном счете пушки и канониров крымским татарам прислала Османская империя³³.

Спустя несколько десятилетий ногайцы засыпали Москву такими же просьбами об огнестрельном оружии. Письмо ногайского мирзы Исмаила, отправленное Ивану IV в 1553 году, накануне захвата Астрахани москвитями, недвусмысленно свидетельствовало о растущем военном превосходстве Москвы: «Нам бы воевати [против Астрахани]; ино у нас на воде судов нет, а к Городу, ино у нас пищалей нет»³⁴. Другие ногайцы тоже относили быстрые военные успехи Москвы на счет использования ею канониров, но предвиде-

(далее: Никоновская летопись). М.: Наука, 1965. Т. 13. С. 65; СИРИО. Т. 95. № 2. С. 19–21.

³³ СИРИО. Т. 41. № 72. С. 361; № 78. С. 381; Т. 95. № 2. С. 19–21.

³⁴ ПДРВ. Т. 9. С. 110.

ли, что в скором времени русские минуют Каспийское море и Волгу и пойдут к Яику, Дербенту и Шемахе: «...так-де наши книги говорят, все-де Бесерменские [мусульманские] Государи Русскому Государю поработают [будут порабощены]»³⁵.

Хотя кочевые всадники в основном были по-прежнему вооружены традиционно, они признали разрушительную силу огнестрельного оружия – и в Степи началась гонка вооружений. К XVIII веку сферы распределения оружия прочно установились. Россия придерживалась запрета на продажу огнестрельного оружия своим нехристианским подданным и соседям, но все же периодически, хотя и с неохотой, вооружала калмыков. Османская империя снабжала оружием крымских татар и кубанских ногайцев, а казахи получали мушкеты из Бухары и Хивы³⁶. Тем не менее кочевые армии медленно перенимали новые методы ведения войны, неохотно меняли свою тактику и с трудом учились эффективному использованию огнестрельного оружия.

К концу XVIII века стало ясно, что кочевые армии совершенно беспомощны против российских укрепленных линий и опустошительной огневой мощи современной российской армии. По мере того как русские крепости и поселе-

³⁵ Там же. С. 267.

³⁶ *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. P. 132; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: Сборник документов и материалов. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. № 33. С. 86.*

ния приближались, а русские иррегулярные войска, вооруженные легкими, мобильными пушками, проникали глубже в кочевые территории, даже самые удаленные уголки Степи перестали быть безопасными. Империя выдвигала все более суровые требования, и жителям Степи пришлось отказаться от своей стародавней свободы.

Пленники и рабы

Хотя военные походы и набеги кочевых армий ассоциируются с образом горящих русских городов и деревень, ни крупномасштабные военные походы, ни мелкие набеги не приводили к беспорядочным поджогам и грабежам. Главной целью всегда был захват пленников, которые, вне зависимости от того, продавали ли их на рынках Каффы, Азова, Бухары и Хивы или возвращали в обмен на выкуп, всегда приносили хороший доход и были самой желанной добычей в набегах или на войне.

Потери населения в результате набегов кочевников были постоянной проблемой южного пограничья, подтачивавшей силы государства. Во время похода на Литву в 1501 году крымские татары, как рассказывалось, захватили 50 тысяч пленников. Когда в 1618 году ногайцы подписали мирный договор с Москвой, они выпустили на волю 15 тысяч русских пленных³⁷. По некоторым подсчетам, в первой половине XVII века было захвачено в плен от 150 до 200 тысяч жителей Московии³⁸. И это лишь некоторые самые яркие при-

³⁷ СИРИО. Т. 41. № 72. С. 360; Описание государственного архива старых дел / Сост. П. И. Иванов. М.: Тип. С. Селиванского, 1850. С. 258; *Davies N. God's Playground: A History of Poland: 2 vols.* New York: Columbia University Press, 1982. Vol. 1. P. 139–141.

³⁸ *Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами.* С. 436.

меры упоминаний многочисленных пленников. На протяжении веков тысячи безымянных русских крестьян, батраков, ремесленников и солдат стали рабами в далеких странах. Их захватывали возле их деревень и городов, когда они работали в полях, удили рыбу в реках, работали на соляных рудниках, ездили на ярмарку и, конечно, во время битв³⁹. Восточная Европа, в первую очередь Россия, стала вторым после Западной Африки поставщиком рабов в мире.

В XVI веке Москва стала проявлять все больше беспокойства о судьбе пленников, что было связано с ее недавно оформившимся самосознанием как Русского православного государства, обязанностью которого перед Богом было спасение православных христиан от плена у неверных. Одну из первых попыток изменить сложившуюся ситуацию в вопросе пленников предпринял в 1517 году Василий III, давший своему послу в Крыму указание требовать возвращения русских пленников без выкупа. Усилия посла были тщетными⁴⁰. Москва добилась большего успеха в Казани в 1551 году, где она сумела навязать свои условия: христианские пленники были освобождены, а мусульмане отныне под страхом смертной казни не имели права владеть христианскими рабами. Москва предупредила, что, если Казань не примет эти усло-

³⁹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л.: АН СССР, 1932. Т. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. С. 386–397.

⁴⁰ СИРИО. Т. 95. № 23. С. 408.

вия, это будет означать новую войну⁴¹. Почти столетием позже, когда все другие меры по борьбе с набегами потерпели крах, Москва начала строительство протяженных укрепленных линий на юге.

О масштабе проблемы свидетельствует то, что в Московии был введен специальный налог на выкуп пленных христиан. Этот *положняничный сбор* взимался с 1551 по 1679 год. Всесторонний свод законов Московии, составленный в 1649 году, посвятил одну из своих двадцати пяти глав исключительно вопросу выкупа русских пленников. Все налогоплательщики Московии должны были вносить ежегодную сумму, которую собирал Посольский приказ, поскольку «и благочестивому царю и всем православным христианам за то великая мзда от Бога будет, якоже рече праведный Енох, не пощадите злата и сребра брата ради, но искупите его, да от Бога сторицею примете. И пророком рече Бог, не пощади сребра человека ради». Выкуп устанавливался в зависимости от социального статуса пленных; самый высокий выкуп основывался на размере земельных владений знатного пленника. В одном наиболее ярком случае высокопоставленный русский боярин, Б. В. Шереметьев, проведя три года в Крыму, был выкуплен за 60 тысяч серебряных талеров. В нижнем ряду шкалы выкупа находились крепостные и рабы, которых выкупали по 15 рублей за человека⁴².

⁴¹ Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. С. 136–137.

⁴² Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. Гл. 8. С. 89–90;

Освобождение христианских пленников было не только долгом каждого доброго христианина перед Богом, но и вопросом сострадания к мучениям пленников. Московское правительство, обычно непреклонное, когда речь шла о его интересах и источниках доходов, в своем законодательстве проявляло недвусмысленное сочувствие пленникам. По освобождении из плена горожане-налогоплательщики могли поселиться где они хотели, а их семьи получали полную свободу от хозяев, «для полонского терпения» (в награду за страдания в плену)⁴³.

Чтобы добиться свободы для русских пленников, правительство не жалело усилий. Как правило, русский посол в Крыму получал список русских пленников. Этот список вручался крымскому хану, от которого ожидали, что он освободит их в обмен на выплаты⁴⁴. Куда не могли добраться правительственные чиновники, добивались купцы, выкупавшие пленников и привозившие их в Москву, где они получали немалую компенсацию от правительства или частных лиц.

Москва поощряла всех – чиновников, купцов, иностран-

Российская Академия наук. Архив. Ф. 1714. Оп. 1. Новосельский А. А. № 66. Л. 123. На короткий срок Москва учредила отдельное министерство, Полоняничный приказ, занимавшийся исключительно выкупом русских из плена в Крыму, Средней Азии и других местах. В 1670-е годы Полоняничный приказ был упразднен, и его функции переданы другим правительственным ведомствам.

⁴³ Соборное уложение 1649 года. Гл. 19. Ст. 33. С. 234; Гл. 20. Ст. 34. С. 244.

⁴⁴ СИРИО. Т. 95. № 16. С. 292–293.

ных посланников и степных правителей – выкупать на свободу русских пленников. Вожди и знатные люди кочевых племен нередко так и поступали, как для проявления лояльности по отношению к Москве, так и для получения выкупа. Иногда, конечно, их планы проваливались – в частности, так случилось с ногайским бием Юсуфом в 1551 году. Некий русский пленник по имени Юрий был почти продан в рабство в Бухару, когда Юсуф решил выкупить его, отдав взамен двоих своих людей, трех хороших лошадей, верблюда и шкуру. Юрий обещал взамен выплатить Юсуфу компенсацию 200 рублей, но вместо этого сбежал. Разгневанный Юсуф писал Ивану IV, требуя, чтобы царь нашел Юрия и выплатил обещанные деньги⁴⁵.

Для кочевников пленный был часто не более чем товаром, продававшимся по хорошей цене. К примеру, в 1538 году ногайцы сочли, что Иван IV предложил недостаточно хороший выкуп за пленного русского князя Семена Бельского. Один ногаец, расположенный к Ивану, объяснил, что король Польши, крымский хан и азовский паша (османский военный губернатор) хотят купить Бельского и что Иван получит Бельского, лишь если заплатит не меньше, чем предлагает польский король. Затем он детально изложил предложение короля. Ногайцы, конечно же, торговались в ожидании наиболее выгодного предложения. Хотя Иван желал завладеть своим врагом Бельским, ранее перешедшим на службу Речи

⁴⁵ ПДРВ. Т. 8. С. 284.

Посполитой, он отказался от предложения ногайцев выменять его на одиннадцать русских. Он объяснил, что «у нас того в обычае не живет, чтобы крестьян [христиан] велети давати кому в окупу [отдавать в выкуп]». В конечном счете Бельский был продан крымскому хану и принял участие в военных походах хана против Москвы⁴⁶.

Поставки христианских пленников играли важнейшую роль в работорговле региона в XVI веке. В 1529 году половину всех рабов в османском Крыму составляли выходцы из Украины (Русь) или Московии (Москофлю). Другая половина – черкесы⁴⁷. Османский порт Каффа был центром работорговли в регионе. Османские правила отличали рабов, доставляемых из татарских и черкесских областей, от рабов с османских территорий, таких как крепости Азак (Азов) и Тамань. Первые, как заграничные, облагались полным налогом, а налог на вторых был вдвое ниже. В конце XVI века доходы османского правительства от налога на рабов составляли почти треть всего дохода от османских владений в Крыму⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 64–65; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959–1966. Т. 3. С. 413–415, 444.

⁴⁷ *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // *Harvard Ukrainian Studies* (далее HUS). 1981. № 2. P. 141–142.

⁴⁸ *Inalcik H.* The Customs Registers of Caffa, 1487–1490 // *Sources and Studies on the Ottoman Black Sea* / Ed. V. Ostapchuk. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996. Vol. 1. P. 93, 145–146; *An Economic and Social History of the Ottoman*

Всепроникающее стремление превратить пленников в источник больших денег путем их порабощения или получения за них выкупа достигло почти комических масштабов в другом спорном пограничье, между Габсбургами и турками в Венгрии. Судя по всему, некоторые люди были «профессиональными пленниками»: они позволяли себя захватить, а затем вызывались собрать деньги на выкуп с семей других пленников и получали от этого доход⁴⁹.

Те, кого не выкупали, становились рабами, выполнявшими различные обязанности. В Крыму некоторые обрабатывали землю, работали переводчиками и проводниками военных набегов на русские земли. Те, кого продавали на рынках рабов в Османской империи или среднеазиатских ханствах, становились ремесленниками, батраками или домашними слугами. После нескольких лет рабства рабы могли получить от хозяев свободу. По словам русских пленников, выбравшихся на свободу из среднеазиатских ханств в 1670-е годы, в среднем они оставались в плену около двенадцати лет, после чего они либо получали свободу от своих хозяев, либо выкупались русскими чиновниками или купцами⁵⁰.

Empire, 1300–1914 / Eds. H. Inalcik, D. Quataert. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 283–285.

⁴⁹ *Sugar P. F.* The Ottoman «Professional Prisoner» on the Western Borders of the Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Etudes Balkaniques*. 1971. Vol. 7. № 2. P. 82–91. Цит. по: *Stein M.* Seventeenth-Century Ottoman Forts and Garrisons on the Habsburg Frontier. Ph. D. diss., University of Chicago, 2000. Ch. 1.

⁵⁰ СИРИО. Т. 95. № 16. С. 292; РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Кн. 13. Л. 57;

Прилагая всяческие усилия, чтобы спасти православных христиан от рабства в землях ислама, российское руководство вместе с тем спокойно смотрело на продажу в рабство неправославных христиан. Ногайцы, в составе московской армии принявшие участие в военных походах в Ливонии, не встречали никаких возражений со стороны властей, когда покупали в Москве немецких и польских пленников. В то же время Москва старательно инструктировала местных воевод (русских военных губернаторов) на пути ногайцев, чтобы они проверяли, нет ли русских среди пленников, которых везут ногайцы⁵¹.

Во второй половине XVI века захватом пленников уже занимались обе стороны. Некоторые ногайские вожди жаловались, что русские воеводы помогают их соперникам, которые устраивают набеги, захватывают множество ногайцев и продают их в рабство. Крымское ханство и Османская империя тоже оказались под ударом все более частых набегов донских казаков и требовали, чтобы Москва приструнила казаков и вернула османских подданных без выкупа⁵².

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Т. 1. С. 386–397.

⁵¹ ПДРВ. Т. 10. С. 168–189, 260; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Ногайские дела. Кн. 9. Л. 2, 73, 79–85, 143–144, 177 об. № 10. Л. 123. В 1634 году польским и литовским пленникам разрешили свободно вернуться на родину; см.: Маньков А. Г. Уложение 1649 года: Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. С. 117.

⁵² ПДРВ. Т. 10. С. 124–132; РГАДА. Ф. 89. Турецкие дела. Кн. 3. Л. 114–115, 260.

Был и другой вопрос, вызвавший немало дипломатических пререканий, – бегство пленников в Россию. В 1580-е годы ногайцы постоянно жаловались на своих беглецов, которые добираются до Астрахани и живут там под крылом русских властей. Они требовали, чтобы Москва вернула беглых немцев и литовцев и заплатила компенсацию за беглых *русаков*. Москва решительно отвергла второе требование, заявив, что русские бежали из плена, кроме того, многие из них присоединились к казакам и, стало быть, вернуть их невозможно. Подобные отговорки были хорошо известны обеим сторонам; в прошлом ногайцы отвергали требования России вернуть захваченных русских под предлогом того, что они уже проданы в Бухару. Теперь пришел черед Москвы ответить тем же самым⁵³.

До конца XVIII века выкуп оставался наиболее распространенным способом спасения пленных христиан. Хотя строительство укрепленных линий привело к снижению числа русских, попадавших в плен, полностью оно с набегами не покончило. Как масштабные походы, так и набеги продолжали наносить серьезный ущерб растущим русским поселениям. В одном таком походе, в 1717 году, калмыки, вместе со своими временными соседями, кубанскими ногайцами, привели 12 107 пленников, захваченных на Средней Волге. Конечно, более типичными показателями успешных набегов

⁵³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Ногайские дела. Кн. 10. Л. 3 об., 87, 88, 93, 120–121, 140.

были небольшие военные отряды и небольшая численность пленников: например, в 1673 году отряд из 400 крымских татар захватил в плен 174 русских, а в 1742 году отряд из 800 каракалпаков увел 1000 русских женщин и детей из Сибири⁵⁴.

В 1740-е годы множество русских продолжало томиться в плену в Крыму, на Северном Кавказе и в Средней Азии. Более 3 тысяч человек (в основном русских и некоторое количество калмыков, принявших участие в катастрофической экспедиции 1717 года под командованием князя Бековича-Черкасского) оставались в плену в Хиве. Еще 500 русских находились в плену у туркмен в окрестностях Аральского моря, от 3 до 4 тысяч у каракалпаков и неизвестное число – у казахов. Попытки российских властей убедить казахов, что они должны освободить пленников или, по крайней мере, обменять их на казахских пленных, провалились. Казахи настаивали, что, в соответствии с их обычаем, пленников можно лишь продать или выкупить⁵⁵.

⁵⁴ Российская Академия наук. Архив. Ф. 1714. Оп. 1. Новосельский А. А. № 66. Л. 169; *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met*. P. 159–161; Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. № 88. С. 209.

⁵⁵ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. № 33. С. 64; № 76. С. 181, 184; № 88. С. 209, 211. В 1722 году русский посол в Бухаре, Флорио Беневени, назвал даже более высокие цифры русских пленников в регионе: 1000 русских пленников в Бухаре, 2000 в Самарканде и среди узбеков, 1500 в Хиве и у Аральского моря и неизвестное число в Балхе и Астрабаде в Персии; см.: *Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом: Приложения // Записки Императорского Русского географического общества*. 1853. № 9. С. 377.

Обычай, впрочем, не были чем-то вечным и неизменным, и отказ от освобождения русских был не в меньшей степени продиктован стремлением получить выкуп, чем обычаем⁵⁶. Да и религиозные объяснения того, почему русских пленников нельзя отпустить на волю, нередко попросту прикрывали оппортунизм. В 1517 году крымский хан Мухаммед Гирей писал великому князю Василию III, что муллы предостерегали его: освобождать пленных детей в возрасте от шести до шестнадцати лет – грех⁵⁷. Но мусульман тоже нередко брали в плен и отдавали за выкуп другим мусульманам, а порой и продавали в рабство, в прямое нарушение исламского закона⁵⁸.

Вставший в XVI веке вопрос спасения русских православных пленных от страданий и нечестивости плена у неверных стал свидетельством уязвимости московских рубежей и появившегося у московских властей осознания себя защитниками русских православных христиан. Но к концу XVIII века пленники и те, кто брал в плен, решительно поменялись местами. В то время как русские оказались в сравнительной

⁵⁶ Международные отношения в Центральной Азии: XVII–XVIII вв. Документы и материалы: В 2 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. № 3. С. 43–44. Например, обычай не мешал казахам освобождать пленников-ойратов без выкупа по требованию ойратов. Упорное отстаивание своих обычаев скорее указывало на независимость казахов по отношению к России и притягательность выкупа, даже под угрозой навлечь на себя гнев России.

⁵⁷ СИРИО. Т. 95. № 21. С. 358.

⁵⁸ ПДРВ. Т. 8. С. 270–272; СИРИО. Т. 95. № 21. С. 378.

безопасности, защищенные своей цепью укреплённых линий, все большее число мусульман и язычников, живших по ту сторону границы, становилось пленниками России. Некоторых захватывали силой, многих покупали у посредников, но большинство пришло по своей воле искать новые возможности в русских городах. От всех ожидалось обращение в православное христианство, что позволило бы им остаться в России и получать денежные и прочие выгоды⁵⁹.

В середине XVIII века некоторые чиновники начали воспринимать Россию как поликонфессиональную и полиэтничную державу. Они предложили правительству распространить свое покровительство «не только о русских, но какой бы нации и веры ни был, когда бы и как бы к ним ни попал, только б был российской подданной»⁶⁰. Но миссионерское усердие властей по-прежнему определяло судьбу большинства нехристианских пленников, выкупленных Россией: их обращали в христианство и отправляли во внутренние регионы империи.

⁵⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. № 224. С. 570–571; ПСЗ. Т. 14. № 10654. С. 677–678; Т. 20. № 14489. С. 402; Т. 22. № 16534. С. 839. Тема бегства и миграции нехристиан в Россию подробнее рассмотрена в главе 5.

⁶⁰ Там же. № 255. С. 573.

Торговля и экономика

Традиционная экономика степных соседей России была статичной, односторонней и экстенсивной. Она основывалась на выпасе стад баранов и лошадей, причем лошадь была самым ценным товаром, которым различные кочевники торговали на русских рынках. Для Москвы, нуждавшейся в коннице, торговля лошадьми была важна; для степных обществ она была совершенно необходима. Лучшее всех отчаянную потребность кочевников в торговле и их зависимость от иностранных рынков выразил Исмаил, когда в 1533 году его брат ногайский бий Юсуф обратился к нему за помощью. Исмаил объяснил, почему он не может присоединиться к брату: «Твои-де люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И толко мне завоеватца, и мне самому ходити нагу, а которые люди и учнут мерети, и тем и саванов не будет»⁶¹.

В XVI–XVII веках торговля лошадьми с кочевниками находилась под строгим контролем российских властей и происходила в специально отведенном для этого месте возле Москвы или в нескольких русских городах Поволжья. Лошадей привозили купеческие караваны, называвшиеся *ордобазарная станица* (путешествующий базар Орды). Подобные купеческие караваны могли быть очень большими; в 1555 го-

⁶¹ ПДРВ. Т. 9. С. 103.

ду ногайцы отправили в Москву 1000 купцов с 20 тысячами лошадей. В 1688 году калмыцкий хан Аюки послал на продажу в Москву более 9 тысяч лошадей, а семью годами позже отправил 20 тысяч лошадей в Крым. Впрочем, такие большие караваны были исключением. В годы наиболее интенсивной торговли между ногайцами и Москвой, с 1551 по 1564 год, ногайцы в среднем привозили на продажу по 7400 лошадей в год, но обычно речь шла о куда меньших табунах⁶².

Типичный ногайский караван торговцев лошадьми прибыл в Москву в 1579 году. Посольский приказ, отвечавший в числе прочего и за торговлю лошадьми, повелел ногайскому каравану расположиться вне городских стен, за реками Москва и Яуза. Лошади были отогнаны, и первые сто лошадей пересчитаны. После того как были взысканы четырехпроцентные таможенные пошлины в пользу Москвы, Владимира и Городка (Касимова), две взрослые кобылы и два жеребца с каждой сотни, первые сто лошадей были отвезены на рынок и была отсчитана следующая сотня. Несколько русских военных охраняли порядок и следили за тем, чтобы все

⁶² Там же. Т. 8. С. 219, 223–223, 249, 289, 293, 301, 322; Т. 9. С. 1, 16, 36, 72, 79, 90, 105, 152, 189, 218, 238, 296, 301; Т. 10. С. 14, 89, 153, 210, 212; Т. 11. С. 1, 94–96; РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Калмыцкие дела. Д. 8. Л. 2; *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met. P. 127.* Русский современник утверждал, что в середине XVII века от 30 до 50 тысяч лошадей ежегодно приводились в Москву на продажу; см.: *Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича.* 4-е изд. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1906. С. 92; см. также: *Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке.* М., 1956. С. 19.

лошади были зарегистрированы и не было драк между русскими и ногайцами. Военных ожидали суровые кары, если бы они позволили невоенным служащим, купцам или духовным лицам купить лошадей. Только военнослужащие имели право покупать лошадей и только после того, как самых лучших забирали для царя. В обмен можно было предлагать сукно или иную ткань, а все предметы, имеющие какое бы то ни было военное значение, были запрещены: медь, олово, свинец, железо, селитра, сера, порох, пули, огнестрельное оружие, копья, сабли и другие железные изделия. Нарушителей арестовывали и приводили к главе Посольского приказа, дьяку Андрею Шелкалову, а их товары конфисковывались в пользу казны⁶³.

Русский рынок был невероятно притягателен для кочевников. В XVI веке ногайцы стремились в Московию, зная, что смогут купить там самые различные товары: меха, шерсть, головные уборы, доспехи, бумагу, краски, оловянные горшки, гвозди, седла, соколов, листовое золото и серебро. Даже такие традиционные вещи, как доспехи, седла, уздечки и колчаны, ценились больше, если их изготавливали московские мастера. В конце XVII века калмыки все чаще продавали своих лошадей за наличные, чтобы купить многие из этих товаров на русских рынках. В то же время на Се-

⁶³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Ногайские дела. Кн. 9. Л. 16–22. Дьяк Андрей Шелкалов и его брат Василий долго и с отличием работали в Посольском приказе; см.: Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В. И. Савва. М.: Институт истории СССР, 1983.

верном Кавказе власти разрешали только бартер с местными или персидскими купцами, а в список запрещенных товаров входили золото, серебро, наличные деньги, рабы и охотничьи птицы⁶⁴. Этот список слегка варьировался от региона к региону, за исключением постоянного и всеобъемлющего запрета на торговлю оружием.

Торговля лошадьми была важна для локальной московской экономики и для московской армии, но куда важнее была торговля с мусульманскими государствами на юге, соединявшая Московию с мировыми рынками. Купцы из среднеазиатских ханств, Крыма, Персии и Османской империи привозили товары, высоко ценимые в Москве, а именно шелковую парчу, хлопок и специи, взамен приобретая различные меха, моржовую кость, соколов, доспехи, серебряную посуду и одежду. Русские купцы ездили в Крым и турецкие города Стамбул, Бурса, Токат, Амасья и Самсун, а крымские и турецкие купцы отвозили русские товары в Египет и Сирию. Азов и Каффа были важнейшими торговыми центрами вдоль давнего караванного пути, соединявшего Москву и Киев с Токатом. Торговля была выгодной, объемы были значительными, а таможенные пошлины приносили высокие доходы. В начале 1500-х годов великие князья московские, казалось, имели бесконечные запасы наличности, и крымские ханы нередко, заняв деньги у еврейских и армянских

⁶⁴ ПДРВ. Т. 8. С. 25–26; Т. 9. С. 280–282; *Khodarkovsky M. Where Two Worlds Met.* P. 26–27; ПСЗ. Т. 13. № 1585. С. 313.

купцов в Каффе, затем просили, чтобы Москва помогла им выплатить долг⁶⁵.

К середине XVI века московская экспансия на юге и изменения в региональной геополитике привели к прекращению торговли с Крымом и Османской империей. Москва стала искать другие пути, выйдя через недавно захваченную Астрахань на связь с Персией и Средней Азией. Русские цари и персидские шахи, объединенные общим противостоянием влиянию Османской империи, находились в тесных дипломатических и торговых связях. В 1620-е годы, в целях поощрения торговли в регионе и увеличения зависимости местных народов от России, Москва временно освободила от таможенных пошлин персидских и местных купцов, торговавших в Терской крепости и Астрахани. Столетием позже русский чиновник Иван Кирилов описывал оживленную торговлю в Астрахани, где иностранные и русские сукна, меха, кожа и полотна переходили из рук в руки, а персидские шелка и парчи отправлялись в Россию. Кирилов обратил внимание, что большинство астраханских купцов были не русскими, а армянами, индийцами, персами, бухарцами и ногайцами⁶⁶.

⁶⁵ СИРИО. Т. 41. № 28. С. 106–107; № 43. С. 196; № 58. С. 268–269; № 63. С. 296; № 80. С. 391–398; № 81. С. 399–413; № 97. С. 515; Т. 95. № 2. С. 22–30. № 37. С. 673; № 38. С. 680–688. О турецкой торговле в Черном море см.: An Economic and Social History of the Ottoman Empire. P. 275–314.

⁶⁶ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. И. Веселовского: В 3 т. СПб., 1890–1898. Т. 3. С. 633–634; Ки-

В XVIII веке Россия все пристальнее смотрела на Среднюю Азию: находившиеся в ней Бухарское, Хивинское, Кокандское, Ташкентское, Кашгарское и Балхское ханства были не только ценными торговыми партнерами сами по себе, но и важнейшими звеньями все более привлекательного «восточного» торгового пути, ведущего в Индию и Китай. Первая серьезная попытка обеспечить российские интересы в Средней Азии имела место в 1717 году, когда Петр I отправил хорошо вооруженный экспедиционный корпус во главе с князем Александром Бековичем-Черкасским в Хиву. Поход закончился катастрофой: многие, включая самого князя, были убиты, а остальные попали в рабство⁶⁷.

Тем не менее это событие не покончило с российским продвижением в Среднюю Азию, а лишь притормозило его. В 1730-е годы, предпочитая постепенную экспансию быстрому военному завоеванию, власти решили построить крепость на полпути между Уфой и Хивой. Крепость, вначале построенная на реке Ор, а затем передвинутая на Яик, получила название Оренбург. Ее задачей было обеспечить безопасность торговли в регионе. Иван Кирилов, главный архи-

рилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства (книга, составленная в 1727 году). М.: Наука, 1977. С. 230. Цены на различные товары в России XVII века см.: *Hellie R.* The Economy and Material Culture of Russia, 1600–1725. Chicago: University of Chicago Press, 1999. О растущем влиянии русской торговли в Черном море см.: *Bostan İ.* Rusya'nın Karadeniz'de Ticarete Başlaması ve Osmanlı İmparatorluğu (1700–1787) // *Türk Tarih Kurumu, Belleten.* 1995. Vol. 59. S. 353–394.

⁶⁷ *Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. P. 157–161.

тектор российской политики в Средней Азии, видел в Оренбурге нечто большее, чем просто еще одну военную крепость. Со временем Оренбург был призван обеспечить доступ к природным ресурсам региона, стать торговым центром и заложить основу для российского завоевания Средней Азии⁶⁸.

В конце XVIII века Оренбург обогнал Астрахань, став самым крупным рынком в Степи, местом покупки продуктов степной экономики, в первую очередь лошадей и баранов, и предметов роскоши с Востока. Как правило, российские власти применяли политику «кнута и пряника», превращая торговлю и доступ к рынкам в средство контроля над людьми, жившими в пограничье. В XVIII веке подобный подход видоизменился и стал применяться более сознательно. Теперь представители властей настаивали, что использование торговли как «пряника» было необходимым средством для умиротворения казахов. В 1770-е годы русский посол к казахскому хану Нуралы откровенно заявил: «Яицкая степь для Вас так, как сухопутное море с портами; во-первых, большей порт Оренбург, а потом Яицкий городок и вся яицкая до Гурьева городка, также и Астрахань, и во всех сих местах можете Вы производить торги и получите себе немалую чрез сие прибыль, если только тихо и смиренно

⁶⁸ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. № 38. С. 96; *Дорофеев В. В.* Над Уралом-рекой. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1988. С. 5–52. Более подробно см. в главе 5.

и год от году будете исправнее»⁶⁹.

Вплоть до русского завоевания Средней Азии в 1860-е годы Оренбург оставался передовым военным и коммерческим форпостом империи. Огромные караваны в 500 и больше верблюдов, нагруженные товарами и серебром, пересекали казахскую степь от Оренбурга к Хиве и Бухаре – и обратно. Безопасность этих караванов зависела от того, будут ли их защищать местные казахские и каракалпакские вожди, некоторые из них требовали платы за проход, а другие довольствовались подарками и доступом к русским рынкам. Различные должностные лица указывали, что умиротворение казахов и их отказ от кочевого образа жизни обеспечат безопасность торговли в регионе и сыграют решающую роль в открытии прямого сухопутного торгового пути в Индию, о чем мечтал не один русский царь⁷⁰.

В то время как российское правительство, заботясь о безопасности торговых караванов, пересекающих обширные просторы азиатской степи и пустыни, стремилось к сотрудничеству с кочевыми жителями региона и их умиротворе-

⁶⁹ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. № 225. С. 576; № 246. С. 630; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. № 27. С. 57. Эдуард Кинан использовал ту же самую уместную метафору в своей статье: *Keenan E. L. Muscovy and Kazan: Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 548–558.*

⁷⁰ Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. № 37. С. 89. № 170. С. 439–440; Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. № 83. С. 143–144.

нию, они сами двигались в том же направлении из-за растущей зависимости от торговли с Россией. Если Степь была подобна морю, а русские города – портам, кочевники были моряками, которые нуждались в заходе в порт с целью пополнить свои припасы. Многие из этих моряков были пиратами, жившими за счет набегов на порты или грабившими проходившие мимо караваны судов. Другие приходили в порт ради мирной торговли. В этом и состояла главная цель русского правительства: превратить пиратов в купцов и караванных сторожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.